

ВЫМЫСЕЛ КАК РЕАЛЬНОСТЬ, ЗАКРЕПЛЕННАЯ В ЯЗЫКЕ

(Ильинова Е.Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте: монография / ВолГУ. Волгоград, 2009. 513 с.)

Книга волгоградского ученого Елены Юрьевны Ильиновой представляет собой попытку, и достаточно успешную, концептуализации вымысла с опорой на обширный текстовый материал. Перед нами серьезный, подробный труд, нацеленный на осмысление одного из самых распространенных, в то же время и загадочных логико-психологических феноменов человеческого сознания. На протяжении веков вымысел находил разнообразные проявления в индивидуальной и социальной жизни человека, подчас неуловимо тонко корректируя его жизнь и деятельность, иногда модифицируя ее, окрашивая в причудливые тона, а иногда полностью подчиняя себе. Ценность когнитивного подхода, осуществленного в монографии, очевидна прежде всего потому, что автор трактует изучаемое явление как реальность, сопоставимую с такими важнейшими категориями бытия, как творчество, общение, сознание, язык, речь, текст.

Художественный текст, этот уникальный информационно насыщенный артефакт и, с другой стороны, специфический продукт человеческой деятельности, выступает одной из наиболее распространенных результирующих разновидностей коммуникативно-дискурсивного теоретико-практического опыта человека. Важнейшим (в смысле обязательности) стимулом, условием и предпосылкой при создании текста служит креативное языковое сознание. Сущностная оригинальность, неповторимость представления идей всегда воспринималась в качестве обязательного признака любого художественного текста как культурно-индивидуального семиотического знака сложной, синкретичной природы. И в этом отношении категория вымысла может считаться одной из наиболее очевидных составляющих художественного текста, тем более если он принадлежит к жанрам, в которых вымысел составляет (или даже представляет собой) идейно-идеологический фундамент.

Разумеется, вымысел нуждается в концептуализации, а концептуализация проявляется на практике в определенной совокупности своих языковых воплощений. Иными словами, язык как основной инструмент предшествующего построения и последующего отражения вымысла выступает тем бесценным материалом, который, при должном отношении, способен послужить исследователю в раскрытии структуры и наполнения той или иной концептосферы. Такая исследовательская задача, по нашему мнению, многократно усложняется, если в качестве проблемной концептосферы избрана, как это происходит в монографии Е.Ю. Ильиновой, *магия*, характеризующаяся, по сравнению с иными, целым рядом явных и скрытых специфик.

Сказанным подтверждается, но далеко не исчерпывается актуальность данного исследования. Действительно, необходимость в написании фундаментального труда, в котором проводилось бы всестороннее рассмотрение с последующим анализом и категоризацией концепта вымысла, назрела давно. Доказательством может служить немалый объем текстов, накопленный

человечеством в ходе его культурного развития, в которых вымысел представлен в том или ином виде, а порой и доминирует. Неоспоримым фактом следует признать и то, что европейская и мировая художественная культура, возникшая после Второй мировой войны, во многом отмечена отказом от реалистического видения мира. Такое стремление обусловлено причинами социального порядка, но также ассоциировано с активным вторжением в жизнь современного индивида, в его быт категорий сна, «фантазирования наяву» (*daydreaming*), галлюцинирования, намеренного и, что особенно важно, обыденного искажения действительности (создания «альтернативных миров») при помощи алкоголя, наркотиков, иных психотропных средств. Происходит стирание грани между правдой и вымыслом, при этом эстетические приоритеты передаются вымыслу, а «правда жизни» негласно наделяется негативными оценками. Показанный *modus vivendi* современного обывателя находит свое отражение в измененном *modus operandi* современного творца и фиксируется в различных видах искусства – живописи, кино, театре, в значительной мере – в художественном нарративе.

Среди наиболее заметных достоинств книги назовем актуализацию в ней таких основополагающих понятий, как текст и дискурс, адресант и адресат, воображение и вымысел, референциальная составляющая высказывания, концептуализация и категоризация (вымысла), композиционность и интегративность процессов концептуализации вымысла в языке и речи. Особо отметим основательность, с которой автор подходит к определению, разграничению и взаимному соотношению понятий «правда/истина» и «неправда/вымысел» в работах современных философов, психологов, филологов. В результате обзора разных, во многом не совпадающих друг с другом точек зрения на категорию вымысла Е.Ю. Ильинова предлагает собственные оригинальные формулировки, построенные на более высоком и сложном уровне обобщения. К примеру, одобрение вызывает прочная, теоретически надежная логико-философская база исследования, представленная в главе 1 («Феноменология вымысла») и главе 2 («Прагматика вымысла и его речевая презентация»). Категория вымысла безошибочно определяется как продукт реализации креативной функции мышления (глава 2); в подразделе 1 той же главы «Аксиологические характеристики вымысла» проведен корректный, качественный анализ семантических структур более 120 лексических единиц русского и английского языков, номинирующих понятие «вымысел» с авторской схематизацией результатов сравнительного разбора названных структур. Здесь же безошибочно определяется амбивалентная природа основополагающего для работы понятия вымысла/лжи в европейской этике, эстетике. На наш взгляд, чрезвычайно интересна трактовка понятия *white lie* – *ложь во благо* в культуре англоязычной (в этой части работы – заметим это в скобках – нам, правда, не хватило концепта *fake/pretense* – *ложь, выдающая себя за правду*).

Несомненно верным следует признать неоднократно заявленный авторский подход к трактовке базового понятия исследования, при котором вымысел рассматривается как категория, неизбежно опирающаяся на реальность в

разных ее проявлениях – фрагментарном, или искаженном, или целостном, нераздельном. Отметим логически и стратегически верную последовательность рассмотрения различных практических целевых воплощений неправды от вымысла манипулятивного к вымыслу эвристическому и, наконец, эстетическому. Отметим также методологически верное авторское развитие конкретизированного понятия «художественный вымысел» от его рабочего, опорного определения до итоговой дефиниции в главе 2.

Говоря о главе 3 монографии («Лингвокреативная парадигма изучения языковых явлений»), укажем на ту бесспорную обстоятельность, с какой Е.Ю. Ильинова закладывает необходимые для данного раздела концептуально-категориальные основы дальнейшего изучения вымысла, намечая при этом малоисследованные в лингвистике и смежных областях знаний категории (отражены в итоговых положениях подраздела 2 – «Концептуализация и категоризация как способы системной репрезентации мира в языковой картине мира»).

Привлекает внимание читателя глава 4, в которой проводится подробная индексация признаков демонических существ британской лингвокультуры и соответствующая конкретизация границ концептосферы *магия*. Дополнительным доказательным приемом служит схематизация указанных признаков с их табличным построением и репрезентацией (в работе это названо «категориально-семантической детализацией субстанциональной зоны концептосферы *магия*»). Такому же анализу, причем на том же высоком голоморфном уровне, подвергается признаковый компонент и компонент процессуальный изучаемой концептосферы.

Раздел монографии, посвященный рассмотрению модуляционного характера семантических изменений значений изучаемых лексических единиц (глава 5), написан с тактичной опорой на труды проф. С.П. Лопушанской.

Назовем также, в качестве позитивного признака работы, ясное авторское различие первичной и вторичной концептуализации, как и первичной и вторичной категоризации изучаемых концептов. Интересна дефиниция и трактовка феномена языковой гибридизации, или гибридизации в семасиологии (глава 6); смело и оправданно вводит Е.Ю. Ильинова и собственную терминологию (в качестве удачного примера можно назвать термины с приставкой *квази-*: *квазилексема*, *квазиконцепт* и др.).

В конечном счете в книге выработывается оригинальный взгляд на ее базовые категории – «вымысел» и «художественный вымысел», «текст» и «художественный текст», «лингвоконцепт», «лингвокультура», «прагматика вымысла», «семантическая модуляция», «смысловый гибрид» и многие другие. Существенно и то, что Е.Ю. Ильинова при завершении труда не «закрывает» тему, но указывает на возможные перспективы дальнейшего ее изучения. Как справедливо говорит автор, одна из таких перспектив, важнейшая, «заключается в формировании основ и развитии положений нового направления в лингвистике – концептуальной лингвистики текста, которая имеет отношение к решению задач построения и понимания текста» (с. 481).

Имеются в работе Е.Ю. Ильиновой и такие положения, с которыми мы согласиться не можем. Так, судя по тексту исследования, за основную единицу при рассмотрении концепта Е.Ю. Ильинова последовательно принимает слово, или лексическую единицу (*мифолексему*). Так происходит в главе 4, где вымысел трактуется как категория культуры, составляющая часть национально-языкового сознания, и в главе 5, где рассматривается вымысел в художественном тексте. На с. 278 и далее такое положение декларируется прямо – с авторской оговоркой «на данном этапе исследования», но перехода на иной, качественно новый и более высокий уровень генерализации концепта мы так и не видим. Не настаивая в данном случае на дискуссии о том, что представляет собой концепт – слово или, с другой стороны, смысловой ряд, некий содержательный объем, весьма условно, т.е. плохо поддающийся вербальному выражению, – заметим следующее. Концептосфера магии, как и любая иная, допустимо вербализуется; но она же, возможно, как никакая иная, проявляется и в принципиально невербальных видах человеческой деятельности – интуитивно-первобытных верованиях, ритуальных практиках, музыке, танце. Нет у нас уверенности и в том, что различные магические формулы, сопровождающие ритуалы, можно однозначно отнести к общеупотребительным и общепонятным языково-речевым выражениям (ср. сакральную роль латыни в средневековой Европе). А потому понимание магии не должно, не может сводиться к рассмотрению слова или слов.

Признавая добротность, разносторонность авторской трактовки базового для работы понятия вымысла (в данном случае не только творческого, художественного, но, шире, коммуникативного, т.е. включенного адресантом в сообщение с интенциями, направленными на достижение вполне определенных целей), мы вынуждены заметить, что нам не хватило «подключения» к исследованию понятия фактоида (термин введен в обиход американским романистом Норманом Мейлером, определявшим его как «факты, не существовавшие до того, как они появились в журнале или газете»; ср. с дефиницией, предложенной исследователями пропаганды Э. Аронсоном и Э.Р. Пратканисом: «утверждение факта, не подкрепленного доказательствами, обычно потому, что факт ложный, или потому, что доказательство в поддержку данного утверждения нельзя получить»). В текстах СМИ фактоиды циркулируют в виде слухов и инсинуаций; в рекламных текстах система фактоидов, как и присущий им функциональный комплекс, значительно сложнее и обширнее.

Высказанные соображения не должны восприниматься как упреки автору в том, чего нельзя исправить или усовершенствовать в будущем. Наши замечания направлены на возможное дальнейшее развитие этого несомненно интересного и перспективного исследования.

С.Г. Николаев